

«Инфернальные, страшные и смешные»

Худрук «У моста» — о самом мистическом театре, русской классике и Мартине МакДонахе.

Пермский театр «У моста», по праву носящий звание самого мистического театра страны, в прошлом сезоне снова заставил поверить в волшебство своих поклонников. Осенью у него начались крупные финансовые проблемы, поползли слухи о переезде в Екатеринбург, а то и вообще о закрытии «У моста». Однако не прошло и нескольких месяцев, а театр снова начал радовать пермяков премьерами, среди которых, конечно же, не обошлось без пьесы любимейшего Мартина МакДонаха. Причем спектакль по произведению ирландского драматурга «Безрукий из Спокэна» «У моста» поставил первым в России. В апреле тот же МакДонах принес театру национальную премию «Золотая маска», в итоге «У моста» оказался единственным нестоличным драматическим театром, получившим в этом году эту награду. В новом сезоне театр готовит очередную громкую премьеру, обещающую стать настоящим хитом. О том, как «У моста» удастся справиться с трудностями

и всегда оказываться на высоте, журналу «Экшн» рассказал художественный руководитель самого мистического театра Сергей Федотов.

— В ноябре прошлого года в театре были большие финансовые проблемы из-за долгов перед Российским авторским обществом (РАО), тем не менее в марте была выпущена громкая премьера «Безрукий из Спокэна». Это означает, что все затруднения позади?

— Театр «У моста», несмотря ни на какие трудности, всегда вовремя выпускает премьеры и все фестивали, которые планирует, обязательно посещает. Не было ни разу, чтобы мы подвели фестиваль или отменили свою премьеру. Хотя в наше время это очень трудно, но мы стараемся все, что происходит в театре, выполнять по графику и решать любые экстремальные ситуации, будь то аварийная крыша или противопожарные предписания или долг перед РАО, как в прошлом году. Начиная с сентября по декабрь мы были вынуждены «затянуть пояс», то есть отказаться от всех расходов (работы над премьерами, выпуска рекламной продукции, текущего ремонта и т. д.), чтобы все свои доходы пустить в оплату образовавшегося долга перед авторским обществом. Я уже говорил, что долг возник не по нашей вине, а в связи с тем, что учредители нам неправомочно присвоили вторую категорию, хотя театр выполняет все нормативы согласно первой. Есть большая надежда, что сейчас ошибку исправят и с

2012 года мы будем финансироваться по закону. Ну вот, как только мы расквитались с долгами, начиная с января мы почти каждый месяц выпускали премьеры. В декабре — «Шельменко-денщик», в январе — «Паника», в феврале — «Свадьба Бальзамина», в марте — «Безрукий», в мае — «День святого Валентина».

Естественно, прошлый сезон был знаменит не только нашумевшей войной с РАО, но и тем, что, несмотря на трудности, мы поставили свой абсолютный рекорд по фестивалям — побывали на 15 фестивалях и получили 21 награду, включая четыре Гран-при.

Все это касается спектаклей по МакДонаху. Семь лет назад мы совершенно неожиданно увидели в Праге спектакль «Сиротливый Запад» по пьесе этого удивительного автора и решили срочно поставить у себя. А потом срочно поставили еще две — так нас поразили эти пьесы. После наших постановок вся театральная Россия оказалась во власти настоящего макдона-

ховского бума. Сейчас у нас в стране более 120 постановок по пьесам этого гениального ирландца. Но только в репертуаре театра «У моста» идет пять его пьес. Одна из них — «Безрукий из Спокэна», новая пьеса МакДонаха, которую мы поставили первыми в России. Эта премьера стала главным событием прошлого сезона. Мы уже успели показать спектакль в Москве и в Петербурге, эти гастроли стали поводом для столичных телеканалов и радиостанций сделать специальные выпуски, посвященные нашему новому МакДонаху. Более того, в конце сезона премьерный спектакль «Безрукий из Спокэна» успел стать участником своего первого фестиваля — «Театральные подмостки» в Ирбите — и обладателем Гран-при фестиваля. В общем, несмотря ни на какие трудности, в нашем театре все идет по плану.

— В марте состоялась премьера «Однорукого из Спокэна», а в июне спектакль был переименован в «Безрукого». С чем связана смена названия?

— Тут все очень просто. Мы, когда получили пьесу из Англии, получили еще и перевод Павла Руднева. В этом переводе был именно «однорукий». Договор с агентами МакДонаха заключался очень долго — сначала мы заключили договор о намерениях, а окончательный договор со всеми пунктами пришел уже позднее. И в этом документе был пункт, где автор настаивает, чтобы в названии было именно слово «безрукий». В общем-то, я думаю, что так даже лучше, потому что «однорукий» — это знак бытового плана, житейская ситуация, а слово «безрукий» — это уже образ, это символ человека, потерявшего все, а не только физически руку. Это трагичнее, страшнее и более по-макдонаховски. Поэтому нам пришлось переделать все афиши.

— Можно ли говорить о том, что МакДонах стал настоящим символом «У моста»?

— Да, и поэтому мне в каком-то смысле обидно от того, что вдруг в сознании публики на второй план отошли наши inferнальные истоки. Ведь нас с 1988 года называли Театром Гоголя, Театром Мистическим. И даже наше увлечение МакДонахом несколько не отдалило нас от нашей главной линии. В пьесах МакДонаха есть и мистика, и inferнальность — в них есть все. Он — автор очень оригинальный и неподдающийся простому решению. Многие режиссеры в России ставят его однолинейно: или как комедию, или как цирк, или как буффонаду, — и чаще всего спектакли полу-

чаются совсем несмешными. Или ставят, например, как Кирилл Серебренников во МХАТе («Человек-подушка»), который превратил сложную макдонаховскую историю в жанровую игру, в кровавый триллер. Там столько крови выливается, что даже страшно становится. Даже есть сцена, когда на площадку выходит мальчик в белом и на него сверху выливают ведро как бы настоящей крови. Это очень страшное зрелище. Зрителей, конечно, можно испугать, шокировать таким образом, но эти ощущения выбрасывают его на поверхность сюжета, оставляют в стороне от эстетической загадки ирландского драматурга. Например, вы помните, что в пьесе «Красавица из Линнэна» дочь убивает мать, и многие попадают в ловушку внешнего сюжета и совершенно не прочтывают, что у МакДонаха в этой истории скрыто столько любви, страха одиночества, тоски, желания понять...

— Театральные критики пишут, что «У моста» — единственный те-

атр, нашедший ключик к МакДонаху. Вы согласны с этим?

— Когда мы играли на «Золотой маске» «Сиротливый Запад», после спектакля к нам подошел один из легендарнейших современных российских режиссеров Леонид Хейфец и сказал, что был восхищен постановкой, потому что он знает эту пьесу. Он репетировал ее со своим курсом в ГИТИСе два месяца и в конце концов бросил, потому что получалась мрачная и тоскливая постановка, интерес был потерян, и МакДонах так и не заиграл. В результате Хейфец, будучи членом жюри «Золотой маски», даже не хотел идти на «Сиротливый Запад», потому что МакДонах у него в то время, кроме негатива, ничего не вызывал. Но, когда спектакль начался, он нам признался, что будто бы превратился в ребенка и стал хохотать и смеяться два часа. После этого, по его словам, он понял, что МакДонах классный драматург, и, оказывается, это такая сложная и зашифрованная драматургия! Сказал, что два месяца искал ключ к пьесе, но так и не вычитал то, что вдруг открылось нам. Оказывается, что все очень просто: все эти мрачные и жестокие ситуации, в действительности очень смешные, а эти герои — светлые, глубоко переживающие абсурдность этого мира и способные своей странностью как бы оттенить и сделать заметным то, чего в мире быть не должно: мертвой пустоты, фальшивости. Они нелепые и уморительные, и если их полюбить, то тогда на сцене возникает макдонаховская атмосфера абсурда, веселого смеха и пронзительных открытий о человеке.

И сам МакДонах, конечно, любит своих персонажей, он очень человечен. Во всех наших спектаклях по его пьесам зрители переживают катарсис — они искренне плачут, хотя истории очень смешные, очень гротесковые. И этот синтез яркого языка, смешных ситуаций, оригинальных персонажей и одновременно правды жизни, причем очень жестокой жизни, у МакДонаха обостряется тем, что он помещает героев в очень яркие, экстремальные обстоятельства. Нам очень повезло в том, что мы ставили Гоголя, где всегда такие ситуации — inferнальные, страшные и смешные одновременно.

И еще, что важно с эстетической точки зрения, у МакДонаха есть взгляд со стороны — актеры должны играть эту ситуацию и держать контакт со зрителем, то есть видеть своих персонажей не только изнутри, но отдельно от себя. При таком типе игры возникает эффект отстранения, такое же, как и у самого автора по отношению к своим героям. В зоне такой игры у МакДонаха возникают самые разные темы — особенно национальные. Идея ирландского, американского и др. характеров. Не случайно журналисты часто рассказывают о любимой макдонаховской привычке наблюдателя. Раз в неделю он заходит в паб, садится в уголке, берет легкую колу и наблюдает за людьми.

— Ирландская глубинка с ее беспросветностью, нарисованная в пьесе «Сиротливый Запад», на ваш взгляд, похожа на российскую провинцию? Например, на Пермь? Может ли российский зритель в героях МакДонаха узнать себя, свою жизнь?

— Очень многие театральные критики объясняют парадокс успеха пьес МакДонаха в Перми тем, что мир, который он рисует, похож на российскую провинцию. Это не так, потому что в Москве и Питере по МакДонаху идет около пятнадцати постановок, а остальные более ста идут в такой же российской провинции, как и Пермь, но и там не они получаются, не только в столицах. Поэтому не в провинции дело! Я могу этот феномен объяснить тем, что мы поставили МакДонаха после того, как практически 15 лет ставили только русскую классику — Достоевского, Булгакова, Гоголя. Русская классика очень многогранна, при огромной внутренней силе, эпичности, очень часто трагичности ситуаций в этих произведениях всегда много света! Истории всегда очень светлые, где всегда много смешного и забавного. Поэтому мы подошли к МакДонаху как подошли в свое время к Гоголю, Булгакову — и поняли то, что в МакДонахе много пластов и граней, как и в нашей классике. В принципе, я и к МакДонаху отношусь как к классике, это великий драматург

— он и трагичен, и комичен, и инфернален. Причем инфернальность МакДонаха, кроме нас, никто пока не заметил. Может, потому это и получилось в Перми, что наш город — место мистическое, у нас и Молебка есть, куда инопланетяне прилетают, и колдуны на фестивале Kamwa собираются.

— Сейчас тема провинции начала актуализироваться в России, и значительный вклад в нее внесла как раз Пермь — например, сериал «Реальные пацаны», репер Сява. Но провинцию в изображении МакДонаха в прессе признано считать шедевром, а местное творчество — мусором. Почему так получается?

— Я думаю, что и репер Сява, и «Реальные пацаны» — это принижение, подлаживание под культурный уровень малообразованных людей. В таких историях нет никакой точки зрения, никакой модальности, никакой сверхзадачи и целостности. Это плохо сделанные кол-

лажи из штампов сознания среднестатистического человека. МакДонах как настоящий автор видит своих ирландских героев иначе. Он видит в них не узнаваемые обывателями характеры, а онтологическую, необытовую историю. Но при этом — у него получается писать так, чтобы быть понятным для всех. Ощущение классики возникает из-за того, что он использует в этих простых житейских ситуациях скрытые библейские и мифологические аллюзии. В «Калеке с Инишмана» — миф об Эдипе, который открывает тайну своего рождения. В «Безруком из Спокэна» — история строится на особом современном переосмыслении категории телесности. В этой пьесе важным становится не только идея физической потери руки, но и потеря чувствительности к человеческой боли — духовной, прежде всего. При этом глубина трагического переживания сродни античному: Кармайкл пытается бороться с судьбой, с неотвратимыми обстоятельствами, но сам же доводит этот сюжет до абсурда, до американского комикса: становится безумным коллекционером чужих рук. В итоге каждая пьеса МакДонаха предлагает невероятный сплав классической глубины и постмодернистской иронии, комикса, насмешки над штампами современной культуры — очень авторского взгляда на человеческое существование. И потому зрители, приходя на постановки пьес МакДонаха, видят множество разных

пластов — кто-то считает два-три, кто-то пять, кто-то десять. То есть по большому счету — это постановка для любого зрителя. А сериал «Реальные пацаны», видимо, интересен тем, кто видит похожих на себя — плохообразованных, малоодухотворенных людей — и не способен на отстранение.

— Культурная революция, на ваш взгляд, как-то оживила город? Сделала его более столичным?

— Я не вижу никакой культурной революции. С 1988 года театр «У моста» очень много ездит по фестивалям, в этом году был 99-й фестиваль — «Театральный Олимп» в Сочи. И на всех этих фестивалях, а также на гастролях, мы продвигали идею, что Пермь — не провинция, а высококультурный город, что зритель Перми — культурный, театральный. В общем, мы на эту идею работаем уже 23 года и ни в какой культурной революции не участвуем. Более того, если приезжают театры из Моск-

вы, то чаще всего мы видим, что они не отвечают уровню современного театра. Мы часто бываем за рубежом и видим, какой театр сейчас. И чаще всего, приезжая в Москву, мы слышим, что там или в Питере никто не умеет играть так, как мы, пермяки. По крайней мере, МакДонаха точно никто не умеет играть лучше нас. Это признано всеми. Да и не только его — в прошлом году мы ездили в Москву на фестиваль «Золотой витязь» — его проводит Николай Бурляев, — показывали спектакль «Женитьба», получили за него Гран-при. И сам Бурляев сказал, что наша интерпретация — единственная гоголевская. Так что хороший театр может быть и в провинции.

Я много смотрел в «Сцене-Молот», и ни один спектакль меня не убедил. Я не видел ни одного спектакля, про который мог бы сказать: «Да, это действительно художественное явление!» Чаще всего уходишь из театра с очень сильным разочарованием, и та шумиха вокруг «Сцены-Молот» гораздо значимей того, что там на самом деле происходит. Тем не менее, когда в прошлом году были дни Перми в Петербурге, по-

ехала именно «Сцена-Молот» представлять пермскую культуру, хотя изначально пригласили нас. Позже нас вычеркнули, о чем мы узнали за два месяца до фестиваля. На пресс-конференции в Санкт-Петербурге не было ни одного критика, который бы не спросил, почему дни Перми обошлись без театра «У моста». Все его очень ждали.

Да, Эдуард Бояков (арт-директор «Сцены-Молот». — «Экшн») хорошо ведет театр «Практика» в Москве, а здесь в Перми получился филиал этого театра. Но, если в Москве это любопытно и ново, то пермскому зрителю — неинтересно.

— Почему?

— То, что интересно московским зрителям как оригинальное — например, пьесы с ненормативной лексикой, — у пермяков ажиотажа не вызывает. Пермский зритель — он более целомудрен, более наивен, чем московский. Он не воспринимает мат как художественное явление. Я вообще сам считаю, что есть много пьес и без ненормативной лексики, чтобы составить основу репертуара. Хотя в последней пьесе, которую мы ставили — «Безрукий из Спокэна», — есть несколько нецензурных выражений. МакДонаха вообще трудно играть без крепких слов, но мы все же стараемся их не произносить, разве что если зал театральный попадаетея и мы видим зрителя, который поймет, что это игра.

— Каковы ваши планы в новом сезоне?

— Новый сезон начнется 15 августа «Безруким из Спокэна». Главным событием сезона станет премьера по пьесе «Запах» итальянского автора Рокко Фамильяри — она запланирована на 29 октября, и ничего не

должно этому помешать. У нас уже были две встречи с режиссером Кшиштофом Занусси, который в конце сентября начнет репетировать в нашем театре этот спектакль. Совсем недавно актеры театра выезжали в Екатеринбург на встречу и репетицию с ним, а в конце сентября наши артисты будут репетировать в Варшаве. На выпуск спектакля в конце октября артисты приедут в Пермь.

— Рокко Фамильяри станет для России новым автором? Вы снова готовы стране открытие, подобное МакДонаху?

— Да, конечно, это будет новый для России автор. После МакДонаха мы уже хотели открыть нашей стране чешского автора Петра Зеленку, которого в России еще не ставили — у нас три сезона шел спектакль «Термен» по его пьесе. Но Петр Зеленка как-то не заинтересовал российские театры. А вот «Запах» еще не ставился в России и, вообще, насколько мне известно, не ставился нигде, так что это будет мировая премьера. Автор недавно написал пьесу, показал ее Кшиштофу Занусси, режиссеру она понравилась, и он предложил поставить ее у нас. Пьеса про любовь, пьеса очень сильная, очень неожиданная, и, когда я ее читал, мне было трудно представить, как она будет выглядеть на сцене, потому что она не просто очень оригинальная — скорее кинематографичная. Но тем интересней, я думаю, будет результат. Сам автор планирует прилететь в Россию, поэтому в самом начале сезона у нас будет настоящая звездная тусовка — Кшиштоф Занусси, Рокко Фамильяри в театре «У моста».

